

«Уроки для 'Орли»: Опыт перевода русского текста о творчестве для англоязычной аудитории

Джеймс Мантет

Автор статьи размышляет об опыте перевода с русского на английский философского текста «Уроки для 'Орли» русской художницы Татьяны Апраксиной. Текст, основанный на практике в сфере живописи, принимает художественную форму вольного эпистолярного послания к ученице. Мировоззрение художницы формировалось преимущественно в контексте диалектики между традиционными и новаторскими ценностями культуры Ленинграда-Петербурга и Москвы. Взгляды переводчика, сформированные в американской культурно-педагогической среде, после знакомства с «Уроками» Апраксиной претерпели переосмысление, что говорит о возможностях влияния иноязычного произведения на сознание англоязычных читателей. Примеры восприятия перевода «Уроков» проясняют специфику отношения к творчеству и педагогике в современной Америке, тем самым подтверждая значимость предложенного текста для зарубежной аудитории.

Ключевые слова: Татьяна Апраксина, «Уроки для 'Орли», русские художники, культура Петербурга, американская культура

Lessons for 'Orly: Translating a Russian Text on Creativity for an English-Language Audience

James Manteith

The article's author reflects on the experience of translating Russian artist Tatyana Apraksina's philosophical text *Lessons for 'Orly* from Russian into English. The text, based on practice in the field of painting, takes the literary form of colloquial missives to a student. The artist's worldview coalesced primarily amid the interplay of tradi-

tional and innovative cultural values found in Leningrad-Petersburg and Moscow. The translator's perspective, shaped in an American cultural and educational context, underwent rethinking as a result of engagement with Apraksina's *Lessons*, demonstrating how a foreign-language work can impact the consciousness of an English-speaking reader. Examples of the *Lessons* translation's reception help to clarify modern American attitudes toward creativity and education, affirming the text's significance for a foreign audience.

Keywords: Tatyana Apraksina, *Lessons for 'Orly*, Russian artists, St. Petersburg culture, American culture

Всякий перевод предполагает работу не только над словами, но и над введением выраженных ими смыслов в новый культурный контекст. Перевод текста в жанре наставлений требует особого внимания к различиям между исходной и принимающей культурами, поскольку наставление касается передачи конкретного знания и ценностей для активного восприятия и применения. Особую роль играет соблюдение условий доверия ученика к учителю, или же читателя к автору. Отмечая культурные различия в таких вопросах, можно либо пытаться сглаживать эти различия в рамках перевода, либо передавать их, как они есть, чтобы дать принимающей культуре по возможности ясное представление о взглядах, характерных для автора из исходной культуры. Перед таким выбором я оказался, приняв решение перевести трактат петербургской художницы Татьяны Апраксиной «Уроки для 'Орли» [1] для англоязычной аудитории. Хотя перевод «Уроков» на английский делает произведение доступным для новых читателей и в других странах, наш очерк ограничивается примерами первичной реакцией на переведённую рукопись в американской среде, которая первой получила возможность ознакомиться с англоязычным вариантом.

«Уроки для 'Орли» — эпистолярный текст, в котором

художница обращается к ученице. Учитывая широкий диапазон течений в искусстве, базовые предпосылки текста не вполне сходятся с современными веяниями. Когда я впервые познакомился с художницей, будучи американским студентом в Петербурге, то сначала испытал некоторое удивление при ознакомлении с текстом. В качестве примера приведу центральный совет «Руку твою пусть всегда ведёт любовь» вместе с указаниями автора на необходимость внимательного и бережного отношения к средствам живописи и к сюжетам, которые эти средства предназначены изобразить. На основе американских источников у меня сложилось впечатление, что русские художники после недавнего освобождения от навязанных правил советского канона стремились максимально воплотить новые свободы в своих полотнах, преодолеть разрыв между настоящим временем и насильственно оборванной нитью авангардного прошлого, которое все же тлело десятками лет в бунтарских душах. Меня подкупило внимание Апраксиной к темам духовности, этики и эстетики, которыми авангардное искусство бывает готово жертвовать. С другой стороны, художница многократно указывает на личностную и художественную свободу ученицы. В чем же дело? Возможно, как мне кажется, в том, что настоящая свобода требует зрелости, которая нарабатывается по ходу набирания личного опыта. В назидании о балансе внутренней свободы и зрелости в «Уроках» также можно видеть итог последовательного воспитания автора в неофициальной и высокой культурных средах Ленинграда-Петербурга и Москвы, благодаря чему удалось воплотить диалектику традиции и новаторства, естественно присущую этим местам.

Здесь уместно сказать пару слов о распространённой в Америке трактовке развития искусства. Согласно этой точке зрения, путь развития идёт от зависимости художника от специфики сюжетов внешнего мира и места человека в них до постепенного устранения предметно-

сти и фигуративности в искусстве. После этого допускается возвращение к сюжетности на основе уже вольных решений, которые оцениваются по мере непохожести на предшествующие решения и похожести на нормы рекламно-коммерческого мира. Соответствующий курс по истории современного искусства я успел пройти в колледже непосредственно перед тем, как поехать в Россию на год зарубежной учёбы, во время которой прочтение «Уроков для 'Орли» стало одним из сильных впечатлений, заставляющих задуматься о состоятельности распространённого в американской учебной системе подхода к изучению искусства. Схожие с этой системой взгляды находят подтверждение во всех музеях современного искусства в Америке и Западной Европы, которые я к тому времени успел посетить, уделяя особое внимание коллекциям, включающим русский авангард. При этом в около-академической среде все же встречались попытки реабилитации таких якобы дискредитированных для высокой культуры понятий как «сердце». Подобные тенденции запомнились мне из чтения «Уроков».

В целом, подлинный Петербург не соответствует ожиданиям, построенным на основе стандартного прогрессивного восприятия искусства. В Петербурге крайности современного искусства проявляются в контексте разнообразного взаимодействия с драгоценным культурным наследием, совмещая насыщенную внутреннюю жизнь и общение в красивом городе с привлекательными, необыкновенными людьми. Опыт знакомства с настоящим Петербургом скорее должен вызвать желание развивать то отношение к искусству, к культуре, к жизни, которое позволило бы глубже, острее прочувствовать конкретику этого опыта и приобрести ту зрелость, которую город предполагает. Выражение адекватного отношения я находил в цикле «Уроков для 'Орли», который в то время автор дописывал, делаясь написанным со мной. Предложение автору опубликовать «Уроки» в журнале «Мысль» при Санкт-Петербургском философском обще-

стве усилило мою уверенность, что переведённое мной произведение найдёт положительный отклик у англоязычных издателей и читателей. Проект перевода казался хорошей возможностью дать представление об ответственном отношении к искусству в современной России, при этом полезном для любой культуры.

Действительно, один из частых вариантов первых отзывов на рукопись перевода «Уроков» — констатация мнения о том, что это произведение редкого совершенства. Один литературный журнал вскоре опубликовал фрагмент текста. Стало очевидно, что эта книга полезна не только для размышлений о живописи, но и для других творческих и жизненных задач. Особый читательский отклик вызвала материнская теплота в обращении художницы к ученице. Также восхищали созерцательность текста, привычка автора обдумывать и оценивать каждое своё действие — что трактовалось как исключительно европейская черта.

С другой стороны, когда я советовался о возможности издать полный текст, были высказаны опасения о возможности специфических критических реакций. Нельзя сказать, что те первые американские читатели, которые выразили недоверие к «Урокам», составляли большинство на общем фоне достаточно широкого положительного приятия текста. При этом различия в восприятии поучительно раскрывают специфику воспитания и менталитета. Подобные отрицательные реакции могли бы встретиться и в России, но в Америке они оказались более типичными, образуя практически единый фронт.

Сомнения в Америке вызывал общий ракурс внимания художницы, написавшей текст. Было отмечено, например, без особой симпатии и с оттенком зависти, что, похоже, автору повезло иметь большой запас свободного времени, чтобы думать на нерядовые темы. Я был удивлён такому доводу, будучи очевидцем устойчивой сосредоточенности на рефлексии на фоне огромной занятости художницы и её коллег по творческому цеху. Ещё

были высказывания, что в «Уроках» слишком много говорится о внутренней жизни и творческом процессе, тогда как хотелось бы узнать больше бытовых деталей об авторе и окружении. Читатель узнает, например, что Апраксина держала собаку, но не знает какой породы. Мне представляется, что излишние детали скорее отвлекли бы от основного вектора текста: как развить способности ученицы к сосредоточенности на избранном деле. В Америке распространены познавательные тексты, забитые различными развлекательными фактами и историями, которые удерживают внимание на поверхности без необходимости обратить взгляд внутрь, соизмерить с собой. То, что «Уроки» не подчиняются таким правилам, а остаются преимущественно философско-афористичными, в Америке кем-то ценится, но также многих смущает.

Другое мнение об англоязычных «Уроках», высказываемое в Америке в разных формах — то, что никто не захочет ни купить, не читать текст, который чем-либо напоминает школьные уроки. Считалось, что те, кто уже успел отучиться, вряд ли захотят вспомнить этот опыт, а те, кто ещё учится, чаще всего не захотят что-то к этому добавить. Дидактическая форма частично допускается в Америке, например, в социально направленной литературе и искусстве, но типично осуждается с помощью старых лозунгов в духе «искусство ради искусства». Приветствуется и отсутствие нравственного содержания, и наличие нравственной неоднозначности. Притом, что трудно понять, почему тень учёбы должна вызвать априорную враждебность, незамутнённый взгляд увидит, что «Уроки» мало похожи на школьные занятия, разве что культивированием менторских отношений и нравственной шкалы. Несмотря на авторские штрихи ироничного, условного отношения к предложенным наставлениям, показалось, что американский читатель может подумать: «что возомнила о себе эта иностранка», предлагая взгляды, часто противоположные общепринятым?

Возникло и предположение о том, что обращение текста к «дорогой моей девочке» может охладить англоязычную публику: во-первых, читатели-мужчины могут потерять интерес, и, во-вторых, такая форма могла бы восприниматься как намёк не на нежность со стороны автора, а на снисходительную гордыню. Помимо этого было выражено предположение, что такие фразы, как «Какое мне дело до твоих проблем и комплексов — у кого их нет!» или «Прибереги душевное расстройство для кабинета психоаналитика», могли бы тоже произвести впечатление жестокосердия. Действительная стратегия автора по отношению к ученице — «разбудить, снять с сознания штампы», чтобы та отвлеклась от бесперспективных состояний, но, с точки зрения широко распространённой идеологии, несчастный человек всегда прав и должен иметь право самовыражаться как захочет, даже если этим вытесняется искусство созидания.

Совет: «Не смущайся чванством ближних, не уступай самодурству» или «окружающие тут совсем не причём», — тоже оказался поводом для неодобрения в Америке в силу известного убеждения, что собственное призвание необходимо подчинять интересам ближних и их нуждам.

Ещё один момент, вызвавший сомнение у американского читателя — урок, отвечающий на вопрос о том, чем определяется гениальность. Существует мнение, что большинству американцев не нравится использование таких понятий, как «гениальность» или «гений». Было отмечено, что в наши дни многие либо не верят в существование гениальности, либо предпочитают о ней не думать относительно собственного творчества или среды, поскольку гениальность — преимущество не каждого, и теоретически интереснее настроиться на более доступный уровень проявления и понимания, не заботясь о том, гениально это или нет, ограничиваясь восприятием содержания каждого данного произведения вне обязывающих сравнений. Притом, что в Америке предлагается много систем развития гениальности и многие объяв-

лены гениями — особенно за наличие коммерческого успеха — само упоминание этой категории способно вызывать недоумение, в том числе в контексте учебного процесса. Поэтому для этого урока была предложена замена слова «гений» более нейтральным «учитель». Не имело значения, что этот урок, утверждающий, что «Гением нельзя родиться, гением делают себя сами», нацелен на отрезвление ученицы от слишком навязчивой тяги к представлениям о собственной гениальности ещё в самом начале своего творческого пути. Сам факт речи о гениальности выглядел поводом для идеологической тревоги.

Дополнительные сомнения вызвали тезисы автора о том, что «Дистанция — это свобода» и что горячие дела требуют холодной головы. Существует столько образов художников, охваченных порывами страсти в бытовой и творческой жизни, что пылкое отношение к искусству может казаться наибольшей добродетелью. Был высказан совет сделать в переводе положительную оценку дистанции более условной. Конечно, отождествление свободы с дистанцией — не новая в истории философии мысль. Но если читателю не близка философия такого направления, то столкновение с ней в книге может вызвать недовольство.

Возражения также вызвали рассуждения автора «Уроков» о художественном осмыслении мужских и женских натур. Апраксина пишет, например, что «Женщине совершенно не обязательно становиться кем-то, ей в любом случае не грозит сделаться меньше, чем женщиной»; «Женщину тяжёлая физическая работа уродует, потому что искажает, мужчину, наоборот, украшает, наполняя тело смыслом». В Америке принято считать, что современное общество должно перерасти такие взгляды за счёт популярного стремления относиться к мужчинам и женщинам как к одинаковым по способностям и предназначению субъектам. Прогрессивное мышление может предпочесть совсем оставить в сторо-

не понятия «мужчина» и «женщина», довольствуясь тем, что все одинаково люди.

Высказывались упрёки и к стилевому оформлению текста. Например, в семи предложениях присутствуют скобки, выделяющие небольшие отступления или уточнения. Мне подсказали, что многим вставки в скобках мешают последовательному восприятию мысли, и что поэтому сейчас принято исключать их из писательской практики. Поэтому было рекомендовано переместить материал из скобок по возможности в новые предложения для облегчения чтения. Также критиковалось наличие восклицательных знаков в главах «Уроков», так как сейчас принято учить не использовать такие знаки препинания в литературных и учебных контекстах, а обойтись точками, ограничиваясь выбором слов для передачи аналогичной речевой экспрессивности. К тому же предлагалось убрать все небольшие вводные фразы и слова, с которых иногда начинаются главы — например, «Есть ещё что-то важное», или же «собственно», «кстати», «слушай», и т. д. — а вместо этого сразу заявить темы, увеличивая шансы немедленно завоевать читательское внимание. На мой взгляд, попытки следовать подобному совету по удалению скобок, восклицательных знаков и как бы лишних вступительных слов, тут же вели к ощущению, что текст теряет выразительность человеческой интонации, становясь более плоским и формальным. На мои доводы, что перевод предполагает сохранение предельной близости к форме оригинала, мне ответили, что если речь идёт об издании книги для американской публики, лучше бы и в таких мелочах пойти навстречу современным американским нормам. Очевидно, что для американских издателей определённого настроения эти пресловутые нормы важнее формальной стилистической верности оригиналам, с которыми все равно мало кто из американских читателей сможет или захочет сверить переводы.

Наконец, в Америке отмечалось желание оценить

произведение с точки зрения рынка: приводились данные о том, какая доля рукописей в Америке остаётся неопубликованной, и предупреждали о вероятности подобной судьбы и в данном случае. Считалось, что публикация оригинала Санкт-Петербургским философским обществом ничего не скажет рядовому американцу, а может и оттолкнёт нежелающих слишком много думать в предположительно чужеродном ключе. Я также много слышал о необходимости определить конкретный рынок для книги: для каких же читателей она написана, если не только для ученицы, и каков её жанр? Статистика показывала, что определённые разделы книжных магазинов редко посещаемы — не принадлежит ли книга к таким менее популярным жанрам? В любом случае стоял вопрос о том, что надо определить жанр максимально узко, чтобы работникам магазинов было легче решить, где расположить книгу. Разумеется, такие разговоры часто заслоняли обсуждение содержания текста. Предполагаемая положительная оценка, что это книга полезна для всех и одинаково применима к любому виду творчества, не всегда оказывалась понятой или признанной в качестве перспективного направления с точки зрения стандартных рыночных категорий. Коммерческое отношение к культуре в Америке распространено не только благодаря системе образования, но и благодаря общей среде и советам многочисленных экспертов о том, как надо соответствовать системам для поощрения плодов творческой работы.

Конечно, было сразу ясно, что различные стороны текста, которые мне в Петербурге казались если не бесспорными, то, по крайней мере, достаточно оправданными в рамках данного произведения, для многих в Америке окажутся чуждыми. Идеология предпочла бы видеть перевод либо с купюрами, либо вовсе не изданным. Но по счастью в Америке есть люди, которые жаждут, приветствуют или хотя бы терпят взгляды, изложенные в «Уроках». Благодаря этому в Америке автор

«Уроков» недавно получил Бабеловскую премию по литературе за способствование «более глубокому пониманию достоинств основополагающих ценностей творчества и педагогики для обновления личности и общества» [3]. Как правило, у американских сторонников «Уроков» достаточно опыта мировой культуры и духовности — как исторического, так и современного плана — чтобы понимать, что нынешняя массовая идеология — не мера всех вещей. Есть в англоязычном мире люди, которые привыкли обращаться к своей внутренней жизни и искать опоры для её равновесия, обращаясь для этого к искусству. Это и те, кто находится вне обычных отношений с официальными системами образования, и те, у кого по любой причине жизненный опыт, склонности и стремления достаточно перекликаются с «Уроками», чтобы даже лаконичный, тактичный намёк на характер официального строя, «тесных рядов коллег», звучал отчётливым напоминанием о предпочтительности собственного пути: «Я знаю, тысячи художников живут совсем, совсем по другим правилам. Ты, конечно, тоже можешь быть такой. А можешь и не быть».

Как можно понять, «Уроки для 'Орли» раскрывают вопросы не только искусства, но и менталитета, созвучного с Петербургом, в котором текст был написан и у которого, можно сказать, художница училась. В Петербурге за счёт сложившегося культурного наследия отголоски современности могут иметь более условное влияние. Голос, воспитанный в петербургских традициях, способен плодотворно воздействовать на те культуры, для которых более характерно колебаться между крайностями.

Во всех чертах «Уроков» — независимо от того, сталкиваются ли они с осуждением или одобрением — можно видеть следы естественной педагогики классической петербургской городской среды. Пожалуй, открытость и подчинённость Петербургу есть один из важнейших тезисов, которые следуют из «Уроков». Этот тезис подразумевает, что объективные и субъективные аспекты бы-

тия могут сосуществовать и взаимодействовать друг с другом, и что поэтому освобождение современного искусства, которое так превозносится в Америке и в других местах — порой и в самом Петербурге — нежелательно и не нужно. Как пишет Иосиф Бродский про прогулки по Петербургу, «идти под этим небом, по набережным коричневого гранита, вдоль огромной серой реки, есть само по себе раздвижение жизни и школа дальнорзости» [2, с. 68]. Именно поэтому в Петербурге нужно меньше специального времени на размышления: они встроены в ход дня, с полезной пропорцией отвлечённых соображений и бытовых частностей. Одновременно Петербург учит на самом деле не стесняться того, что Апраксина с лёгкой усмешкой в конце своих «Уроков» называет «нравоучениями». Такие наставления бывают не пустыми, а полными прагматического и метафизического содержания.

Петербург намекает и на то, что высокая планка культурного уровня достигается путём передачи знания от учителей к ученикам в традиции особой иерархии, но не равенства. Ради этих отношений, этой передачи, не учителю, а ученику стоит адаптировать себя, переосмысливать собственные убеждения, чтобы явить нечто ценное в гармоническом развитии полученных основ. Петербургская традиция помогает понять, что сообщения об омрачённом самочувствии — не высшая цель искусства, а лишь этап на «пути исцеления, преобразования», как отмечено в «Уроках». И такое исцеление позволяет лучше ценить достоинства Петербурга.

Культура Петербурга также укрепляет уверенность в важности развития преемственных связей в руслах искусств и иных практик, раскрывающих полноту значения творческого родства как такового. И петербургские школы творчества свидетельствуют о том, что многогранное явление гениальности действительно существует, и что людей доброй воли оно не отталкивает, а привлекает к соучастию, вдохновляет. На фоне сложившей-

ся традиционной культуры Петербурга, населяемой все новыми сердцами, также легче, несмотря на различные выражи, увидеть во взаимодополняющих отличиях между мужчиной и женщиной бесконечно глубокие возможности для познания мудрости провидения, доступной и насущной для всех. И в Петербурге как-то само собой получается, что в мыслях, разговорах и чтении вмещается многоплановость. Взаимодействие разворачивается свободно и богато при верности естественному движению мыслей и чувств, украшенных завиточками, неприкрытыми скачками темперамента и остроты, и риторическими ходами, самими по себе второстепенными по значению, но свидетельствующими о воспитанной обращённости к собеседнику.

Переводческое взаимодействие с произведением, предшествуя попытке его включения в культуру языка перевода, способно вывести на рассуждения об основополагающих принципах реальности. Первые опыты введения «Уроков для 'Орли» Татьяны Апраксиной в англоязычный мир подчёркивают отличия этого мира от родной для текста культурной среды. Донести достоверные свидетельства о полноценных альтернативах текущим педагогическим и общекультурным ценностям англоязычного мира — задача непростая, тем более новыми голосами извне. Тем не менее, воплощения подобных сведений в переводах могут иметь преимущество свежести и непредвзятости. Переводы текстов в жанре наставлений, свободные от искусственного приспособления к воображаемо общим нормам принимающей стороны, могут являться средством особого культурного посредничества, помогая познавать целесообразность других канонов формирования личности и систем образования.

Литература

1. Апраксина Т. Уроки для 'Орли (эссе в письмах) // «Мысль»: ежегодник С.-Петербур. филос. о-ва. 2000. Вып. 4: Философия культуры. С. 207-225.
2. Бродский И. Путеводитель по переименованному городу // Сочинения Иосифа Бродского. Том 5. СПб: Пушкинский фонд, 1999. С. 54-71.
3. Mundus Artium Press. "2023 Babel Prize For Literature Awarded To Tatyana Apraksina For Interdisciplinary Writing, Art, Mentorship". URL: <https://mundusartiumpress.us/2023-babel-prize-for-literature-awarded-to-tatyana-apraksina-for-interdisciplinary-writing-art-mentorship/> (29.11.2023).